

М. Стасюлевич

**История Средних веков в ее писателях и
исследованиях новейших ученых**

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М. Стасюлевич**
История Средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых: Том 3 / М. Стасюлевич – М.: Книга по Требованию, 2014. – 787 с.

ISBN 978-5-458-00615-6

История Средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых

ISBN 978-5-458-00615-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Предшествующіе два тома обнимаютъ собою 600 лѣтъ средне-вѣковой исторіи; на долю третьяго тома остаются послѣднія четыре столѣтія, отъ XII-го до XV-го. Но, по своему внутреннему значенію, содержаніе послѣднихъ 400 лѣтъ несравненно богаче и знаменательнѣе: XII-ый и XIII-ый вѣка были временемъ самаго блестящаго и полнаго развитія феодальнаго общества, когда оно успѣло наконецъ выработать изъ себя извѣстный историческій типъ, цѣльный, своеобразный. Какимъ былъ прежде типъ греческой и римской образованности, основанный впрочемъ на началахъ прямо противоположныхъ цивилизаціи древняго міра. *Феодалъ* и *civis romanus* остаются и до сихъ поръ единственными, самыми полными и вмѣстѣ самыми крайними пунктами развитія двухъ идей, на которыхъ нѣкогда зиждлся весь общественный строй; чрезъ эти два типа прошло человѣчество, прежде нежели вступило въ свой новый фазисъ, къ которому принадлежатъ послѣднія поколѣнія, и который при всѣхъ своихъ великихъ преимуществахъ, тѣмъ не менѣе однако въ отношеніи полноты и законченности не можетъ равняться съ тѣми двумя своими колоссальными предшественниками, отошедшими въ вѣчность.

Время отъ паденія древняго міра до начала крестовыхъ походовъ было темною эпохою постепеннаго подготовленія и разработки феодальныхъ началъ; собственно, только въ XII и XIII столѣтіи выходитъ на сцену все то, что мы привыкли называть „средне-вѣковымъ“. А потому и первые наши два тома, какъ и самое время,

заключенное въ нихъ, служатъ обширнымъ введеніемъ къ нынѣ выходящему въ свѣтъ третьему тому. Мы не могли не принять того въ соображеніе при самомъ распредѣленіи объема его содержанія, и вслѣдствіе того раздѣлили этотъ третій томъ на *два* части, а именно: **первая часть** должна обнять собою XII и XIII вѣкъ въ двухъ отдѣлахъ: *первый отдѣлъ*, явившійся нынѣ въ печати, ограничивается однимъ внѣшнимъ фактомъ, который въ теченіе двухъ вѣковъ безпрестанно перерабатывалъ западное общество, и подѣ вліяніемъ котораго оно испытало въ себѣ огромный внутренній переворотъ, это — крестовые походы или священная война; *второй отдѣлъ* долженъ обратиться именно къ тому внутреннему перевороту, который совершился въ западномъ обществѣ въ эпоху крестовыхъ походовъ; **вторая часть** и послѣдняя обниметъ собою XIV и XV вѣка, какъ эпоху разложенія феодальнаго общества и вмѣстѣ перехода его къ новымъ основамъ жизни политической, интеллектуальной и общественной.

При составленіи третьяго тома мы старались, не ограничиваясь приведеніемъ отдѣльныхъ отрывковъ изъ писателей, брать каждое историческое произведеніе въ его цѣлости, отъ начала, отъ посвященія, отъ пролога, и до самаго конца, представляли опускаемыя мѣста въ анализѣ и останавливались на полномъ переводѣ того, что въ каждомъ писателѣ представляется замѣчательнаго. Такимъ образомъ, мы нашли средство не только дать обширныя извлеченія изъ такихъ писателей, какъ Вильгельмъ Тирскій, Бернардъ Казначей, Виллегардунъ, Жанъ Жоанвилль, Маринъ Санудо и др., но вмѣстѣ съ тѣмъ представить полное содержаніе ихъ трудовъ, въ цѣлости. Мы обратили нынѣшній разъ особенное вниманіе на посвященія и прологи, потому что они даютъ самое лучшее понятіе о литературныхъ вкусахъ того времени, объясняютъ многое изъ жизни писателей и служатъ ихъ автобіографіею. Въ исторіи крестовыхъ походовъ, мы не оставались при однихъ латинскихъ писателяхъ, но привели также показанія важнѣйшихъ византійскихъ историковъ и тѣ отрывки изъ мусульманскихъ источниковъ, которые могли быть намъ доступны по ихъ французскимъ или латинскимъ переводамъ.

Въ заключеніе, позволяемъ себѣ выразить надежду, что приписанное намъ стремленіе замѣнить своимъ трудомъ употребленіе руководства, вѣроятно, разсѣется теперь само собою при одномъ взглядѣ на обширность нашего труда: даже и три, уже появившіеся въ печати тома, изъ которыхъ въ каждомъ можетъ удобно помѣститься по объему два, три учебника, не могутъ служить учебникомъ предмета, преподаваемого всего только одинъ годъ. Но никакая обширность нашего изданія нисколько не препятствуетъ преподавателю пользоваться имъ, ни учащемуся прочесть внѣ урока, по указанію преподавателя, то или другое мѣсто изъ Жоанвиля или Виллегардуина, которое дополнитъ классную работу и дастъ уму и воображенію самую здоровую пищу.

Но мы и теперь по прежнему считаемъ недостаточнымъ въ дѣлѣ историческаго преподаванія ограничиваться одною катихизаціею предмета въ учебникѣ; впрочемъ и наши противники, повидимому, склонились наконецъ въ пользу нашего мнѣнія. По крайней мѣрѣ мы не такъ давно читали, хотя и въ другомъ, ежедневномъ изданіи, но выходящемъ подъ тою же редакціею, которая помѣстила въ своемъ ежемѣсячномъ журналѣ („Русск. Вѣстн.“ 1863 г.) разборъ перваго тома нашего труда, а именно слѣдующее: „Учебники „исторіи, — говоритъ одна изъ передовыхъ статей газеты (№ 238, „1864 г.), — никогда не сообщаютъ имъ (учащимся) чувства „исторіи; учебники исторіи дадутъ имъ только ряды словъ и чужихъ воззрѣній, которыя боснутся ихъ лишь поверхностно. Но „усвояя шагъ за шагомъ буквѣ и духъ древнихъ языковъ, учащіеся „самолучно входятъ въ міръ исторіи и овладѣваютъ первоначальными источниками историческаго вѣдѣнія. Они усвояютъ себѣ „исторію на самомъ дѣлѣ, всѣми способностями и инстинктами. Они „овладѣваютъ дѣйствительно бывшимъ, а не заучиваютъ чужіе разсказы и разсужденія въ учебникѣ, переложенномъ съ нѣмецкаго“.

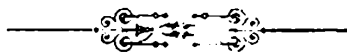
Мы говорили два года тому назадъ другими словами, но то же самое, и заключили такъ: „кто прочелъ Тацита, Эгингарда, Фроасара, тотъ лучше знаетъ исторію, и болѣе исторически образованъ, нежели тотъ, кто усвоилъ себѣ цѣлое историческое руководство“. Тогда насъ упрекнули въ стремленіи заплатить дань духу

времени; но теперь мы видимъ, что все это было одно недоумѣніе, ибо наши противники также думаютъ, что только въ чтеніи источниковъ „учащіеся усвояютъ себѣ исторію на самомъ дѣлѣ, всеѣми способностями и инстинктами, овладѣваютъ дѣйствительно бывшимъ“, и т. д.

Пусть учебники остаются на своемъ мѣстѣ, пусть усовершенствуется въ нихъ форма катехизаціи, и пусть они дѣлаются болѣе удобными для памяти; но мы нисколько не повредимъ учебникамъ, если пополнимъ то, чего не доставало въ нашей литературѣ, и чего не могли никакимъ образомъ замѣнить никакіе учебники.

Въ концѣ настоящаго тома приложены *Родословныя Таблицы латинскихъ королей и князей въ Палестинѣ въ XII и XIII вѣкѣ*, составленныя по *Stammtafeln zur Geschichte der Europaеischen Staaten, von Voigtel*. Braunschweig, 1864, съ исправленіемъ ввравшихся въ нихъ ошибокъ и съ дополненіями по показанію современниковъ. *Карта № 1-й* предназначается для справокъ при чтеніи источниковъ, и въ особенности Вильгельма Тирскаго, а *Карта № 2-й*, составленная въ самомъ концѣ эпохи брестовыхъ походовъ, для пракческаго руководства брестоносцевъ, венеціанскимъ патриціемъ Мариномъ Санудо, служитъ нагляднымъ изображеніемъ географическихъ представленій того времени.

18 марта, 1865.

ВВЕДЕНИЕ

1.—ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЛИТЕРАТУРЫ КАЖДОЙ ЭПОХИ КЪ ЕЯ ИСТОРИИ.

(Въ 1863 г.).

Историческая наука въ Германіи преобразовалась лѣтъ сто тому назадъ, во Франціи лѣтъ шестьдесятъ, и только благодаря то обстоятельству, что начали изучать литературу.

При этомъ успѣли замѣтить, что ни одно литературное произведеніе не можетъ быть разсматриваемо, какъ простая игра воображенія, мимолетный капризь разгоряченнаго мозга: оно служитъ снимкомъ съ нравовъ своего времени и звѣкомъ извѣстнаго настроенія умовъ. На основаніи такого наблюденія, заключили, что возможно, при помощи литературныхъ памятниковъ, дойти до возстановленія способовъ чувствовать и мыслить, которыми обладали люди нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Сдѣланъ былъ тому опытъ, и опытъ удался.

Размышляя объ этихъ способахъ чувствовать и мыслить въ различныя эпохи, дошли наконецъ до убѣжденія, что именно они-то и составляютъ историческіе факты перваго порядка. Ихъ вліяніе замѣтили на самыхъ великихъ событіяхъ; они объяснили ихъ, и сами въ свою очередь объяснились ими; потому сдѣлалось необходимо на будущее время дать имъ мѣсто въ исторіи, и притомъ одно изъ самыхъ высшихъ. Такъ и было поступлено, и съ той поры все измѣнилось въ исторіи: предметъ, методъ, средства, пониманіе законовъ и причинъ. Это-то преобразование, какъ оно совершилось и должно было совершиться, мы и постараемся изложить здѣсь.

1. *Историческіе памятники служатъ только указаніемъ, при помощи котораго предстоитъ возсоздать физическаго и осязаемаго чело-
вѣка.* Когда вамъ случается переворачивать окоченѣлыя страницы фоліанта, пожелтѣвшіе листы манускрипта, короче, поэму, кодексъ, завѣтъ, какое будетъ при этомъ ваше первое замѣчаніе? Вы замѣтите прежде всего, что это еще не главное. Это только форма, въ которую отливало нѣчто другое, подобная ископаемой раковинѣ, оттиску, который остается на камнѣ отъ животнаго, исполненнаго нѣкогда жизни и теперь погибшаго. Подъ раковиною находилось животное, и подъ формою литературнаго памятника жаль прежде

человѣкъ. Къ чему бы изучать раковину, если бы мы не могли при ея помощи составить себѣ понятіе о животномъ. Точно также вы изучаете памятникъ, чтобы чрезъ то узнать человѣка; раковина и памятникъ суть не что иное, какъ омертвѣлыя обломки, и имѣютъ цѣнность, какъ указаніе на цѣльное и живое существо. До этого-то существа слѣдуетъ достигнуть, и именно его-то необходимо воссоздать. Весьма ошибаются тѣ, которые изучаютъ памятникъ для него самого. Это значило бы работать въ качествѣ присяжнаго ученаго и заразиться библиоманіей. Собственно говоря, не мифологія, не языкъ, должны обращать на себя наше вниманіе, но только люди, которые построили слова и образы, соотвѣтственно нуждамъ своихъ органовъ и первобытному складу ума. То или другое общее положеніе само по себѣ ничего не значитъ; обратите вниманіе на людей, которые его установили, и тогда, напримѣръ, образъ XVI-го вѣка въ Англіи предстанетъ предъ вами въ строгой и энергической фигурѣ архіепископа или англійскаго мученика. Все, что существуетъ, существуетъ въ видѣ опредѣленной личности; а потому нужно стараться познать ее. Когда установлена связь между догматами, когда состоялось распредѣленіе частей поэмы, или развитіе конституцій, или преобразование языка, тогда можно сказать не болѣе, какъ только то, что почва готова; истинная исторія выходитъ на сцену, когда историкъ начинаетъ на разстояніи времени различать человѣка живого, дѣйствующаго, одареннаго страстями, вооруженнаго силою привычки, съ извѣстнымъ голосомъ и своеобразною физиономією, съ извѣстными тѣлодвиженіями, въ одеждѣ, столь же отличной и полной, какъ одежда человѣка, котораго мы только что оставили на улицѣ. Мы должны стараться сократить, насколько возможно, тотъ громадный промежутокъ времени, который препятствуетъ намъ видѣть человѣка собственными глазами, глазами нашей головы. Что скрывается подъ изящными стравичками сатирированной бумаги новѣйшей поэмы? Новѣйшій поэтъ, то есть человѣкъ, подобный Альфреду Мюссе, Гюго, Ламартину или Гейне, кончившій, какъ они, курсъ наукъ, совершившій путешествіе, въ черномъ фракѣ и перчаткахъ, хорошо принятый въ дамскомъ обществѣ; въ одинъ вечеръ онъ сдѣлаетъ до полсотни привѣтствій и выпуститъ въ свѣтъ двадцать острыхъ словъ; утромъ читаетъ журналы; обыкновенно помѣщается во второмъ этажѣ; не предается излишнимъ восторгамъ, потому что онъ первенецъ, и притомъ потому, что въ этой непроницаемой демократіи, въ которой живемъ мы, французы, презрѣніе къ официальнымъ достоинствамъ превеличило свои притязанія и возвысило свою важность, а также и потому, что утонченность обычныхъ чувствованій даетъ каждому охоту принимать себя за бога. Вотъ, что мы успѣваемъ подмѣтить во всѣхъ такъ называемыхъ *méditations*, размышленіяхъ, или новѣйшихъ сопетахъ. Точно также подъ трагедією XVII вѣка скрывается поэтъ, поэтъ, какъ напримѣръ Расинъ, изящный, расторопный, куртизанъ, мастеръ говорить, въ величественномъ парикѣ и въ башмакахъ съ бантомъ, ройялистъ и христіанинъ отъ всего сердца, „получившій отъ Бога даръ не краснѣть ни въ какомъ обществѣ, ни въ обществѣ короля, ни за евангелиемъ“; онъ умѣетъ забавлять сво-

его властелина, переводить ему на отличный французскій языкъ „le gaulois d'Amiot“; къ вельможамъ весьма почителенъ и всегда умѣетъ предъ ними „оставаться на своемъ мѣстѣ“; угодливъ и остороженъ въ Марли, какъ и въ Версали, среди предписанныхъ удовольствій природы подстриженной и декорационной, реверансовъ, граціи и тонкаго обхожденія вельможъ въ шитьѣ, которые встаютъ пораньше, чтобы заслужить назначеніе на должность въ случаѣ чьейнибудь смерти, и очаровательныхъ дамъ, которыя разсчитываютъ по пальцамъ генеалогіи, чтобы добиться табурина. О всемъ этомъ вы найдете довольно у С. Симона и на эстампахъ Перелля, какъ сейчасъ видѣли то у Бальзака и въ аквареляхъ Лапи. Равнымъ образомъ, когда мы читаемъ греческую трагедію, наши перья должны быть направлены къ тому, чтобы представить себѣ грековъ, то есть людей, которые живутъ полунагими въ своихъ гимназіяхъ или на публичныхъ площадяхъ, подъ свѣтлымъ небомъ, имѣя предъ глазами чудные виды; они заняты сообщеніемъ своему тѣлу силы и ловкости, болтовнею, преніями, подачею голосовъ, или патриотическимъ пиратствомъ; въ остальномъ—праздные и воздержные, они имѣютъ въ домѣ три кружки для мебелировки и два анчауса въ глиняномъ горшкѣ, наполненномъ масломъ; имъ служатъ рабы, благодаря которыхъ у нихъ остается много свободного времени для украшенія своего духа и упражненія своихъ членовъ; у нихъ нѣтъ другой заботы, кромѣ желанія имѣть у себя самый красивый городъ, самую прекрасную процессію, самую прекрасную идси и самыхъ красивыхъ людей. Все это растолкуетъ вамъ больше, нежели множество диссертаций и комментарій, одна статуя, какъ Мелеагръ или Тезей въ Пареемонѣ, или, еще лучше, видъ сіяющаго голубого Средиземнаго моря, эта шелковая туника, изъ которой выплываютъ острова, какъ куски мрамора; и къ этому возьмите какихънибудь двадцать мѣстъ, выбранныхъ у Платона и Аристофана. Равнымъ образомъ, чтобы понять индѣйскую *пурану*, начните съ того, что представьте себѣ отца семейства, который, „увидѣвъ сына на болѣнякъ сына“, удаляется по закону въ пустыню, съ сѣкирою и сосудомъ, подъ банановое дерево на берегу ручья, перестаетъ говорить, удваиваетъ посты, живетъ нагишемъ между четырехъ огней, имѣя надъ собою пятый огонь—я разумѣю палящее солнце, которое непрерывно пожираетъ и воспроизводитъ живыя существа. По очереди и цѣлыми недѣлями онъ вперяетъ свой взоръ на ступню Брамы, потомъ его колѣно, лядвею, пупъ и такъ далѣе, пока въ результатъ усилій напряженнаго воображенія не появятся галлюцинаціи, пока всѣ формы существующаго, перемѣшавшись и слившись другъ съ другомъ, не заколеблются въ этой головѣ, одержимой круженіемъ, и пока неподвижный человѣкъ, сдерживая дыханіе, вперивъ свой взоръ, не увидитъ, какъ вселенная, на подобіе дыма, исчезаетъ надъ всеобъемлющимъ и безсодержательнымъ существомъ, въ которомъ онъ ищетъ распуститься самъ. Въ этомъ отношеніи, путешествіе по Индіи было бы всего вѣзидательнѣе; но за недостаткомъ лучшаго, оно можетъ быть замѣнено разсказами путешественниковъ, географическими сочиненіями, ботаникою и этнологіею. Во всякомъ случаѣ, пріемъ изслѣдованія

долженъ быть тотъ же. Языкѣ, кодексы, законодательный и религіозный, суть не что иное, какъ абстракты; полнота заключается въ человѣкѣ дѣйствія, въ человѣкѣ физическомъ и осязаемомъ, который ѣсть, ходитъ, борется, работаетъ; оставьте въ сторонѣ теоріи конституцій и ихъ механизмъ, теоріи религій и ихъ систему, а постарайтесь увидѣть людей въ ихъ мастерскихъ, въ ихъ конторахъ, за плугомъ на поляхъ, вмѣстѣ съ ихъ небомъ, почвой, домами, одеждой, привычками, пищей, какъ вы то дѣлаете, высадившись въ Англіи и Италіи, когда вы всматриваетесь въ лица и тѣлодвиженія, глядите на троттуары и таверны, на горожанина, какъ онъ прогуливается, на мастера, какъ онъ пьетъ. Вся наша забота должна быть направлена къ тому, чтобы по возможности всякое наблюдение было бы для насъ очевидно, лично, непосредственно и осязательно, хотя бы оно относилось и къ прошедшему: это единственный путь къ познанію человѣка; сдѣлаемъ же прошедшее настоящимъ; чтобы судить о какомъ нибудь предметѣ, постараемся, чтобы онъ былъ намъ присущъ; отсутствующее не можетъ подлежать наблюдению. Конечно, такое воспроизведеніе прошедшаго всегда останется неполнымъ; оно приведетъ къ незаконченнымъ сужденіямъ; но надобно покориться этому неудобству; лучше познание не довершенное, чѣмъ пустое или ложное, а нѣтъ средства постигнуть до нѣкоторой степени дѣятельность прошедшаго времени, какъ до нѣкоторой степени *увидѣть* людей тѣхъ эпохъ.

Но это только первый шагъ въ исторіи; его сдѣлали въ Европѣ при возрожденіи творческаго воображенія въ концѣ прошедшаго столѣтія, благодаря инициативу Лессинга, Вальтеръ-Скотта; во Франціи, нѣсколько позже, пошли тѣмъ же путемъ Шатобріанъ, Авг. Тьери, Машле и многіе другіе. Но вотъ еще второй шагъ.

2. *Человѣкъ физическій и осязаемый служитъ только указаніемъ, при помощи котораго предстоитъ изучить внутренняго и неосязаемаго человѣка.* Когда вы наблюдаете человѣка осязаемаго, чего вы ищете въ немъ?—Человѣка неосязаемаго. Его слова, достигающія до вашего уха, его тѣлодвиженія, одежда, поступки, видимыя дѣла, служатъ для васъ только выраженіемъ чего-то другого; все это говоритъ о чемъ-то иномъ, о душѣ. Человѣкъ внутренній скрытъ въ человѣкѣ внѣшнемъ, и послѣдній свидѣтельствуетъ о первомъ. Вы осматриваете его домъ, его мебель, одежду, но вы ищете во всемъ этомъ слѣдовъ его привычекъ и вкуса, хотите судить о степени его развитія или простоты, расточительности или экономіи, ограниченности или утонченности ума. Вы прислушиваетесь къ его разговору и замѣчаете даже интонацію его голоса и принимаемая имъ позы, опять для того, чтобы заключить о его энергіи, развязности, веселости, или о натянутости. Вы изучаете произведеніе его пера или искусства, его финансовыя или политическія предпріятія съ единственною цѣлью опредѣлить силу и предѣлы его разсудительности, находчивости, присутствія духа, открытъ распорядокъ, родъ и обычную мощь его идей, какъ онъ мыслитъ и опредѣляетъ свою волю. Все внѣшнее служитъ только тропинками, ведущими къ центру, и вы пускаетесь въ поиски, чтобы достигнуть этого центра; тамъ пре-